

М.В. Андреева

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ КАТАКОМБНЫХ ПЛЕМЕН СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ¹

Более 30 лет назад В.А. Сафроновым была предложена периодизационная схема для материалов бронзового века Восточного Маныча и Калмыкии, полученных И.В. Синециным в ходе новострочных раскопок курганных могильников. Были выделены 7 обрядовых групп погребений, 6 из которых соответствовали определенным культурам или культурным типам: I – ямная; II – северокавказская; III – ямно-катакомбная; IV – северокавказско-катакомбная; V – предкавказская (в настоящее время используется название “восточноманычская”) катакомбная; VI – поздняя предкавказская (в настоящее время это место заняла посткатакомбная долинская культура: *Мимоход*, 2003; 2005); VII – срубная (в рамках современной систематизации срубных древностей (*Отрощенко*, 2000; 2002) – покровская культура). За исключением синхронных III и IV групп, все остальные, по мнению исследователя, последовательно сменяли друг друга, что интерпретировалось как повторяющееся насильственное вытеснение или ассимиляция существующего населения воинственными северокавказскими, катакомбными и срубными племенами (*Сафронов*, 1974).

Материал, однако, не совсем укладывался в эту “идеальную” для археологов схему, что было отмечено В.П. Шиловым, объединившим часть позднейших и северокавказских комплексов в единый “архаринский” горизонт (*Шилов*, б/г). Впоследствии Н.И. Шишлина на материалах курганов Калмыкии и Восточного Маныча развернуто показала, что если последовательность появления первых четырех из выделенных В.А. Сафроновым обрядовых групп подтверждается вновь полученными материалами, то исчезновение их происходит практически одновременно, с распространением восточноманычских комплексов. Раннекатакомбная эпоха, таким образом, была временем сосуществования различных форм обряда на одной территории, которое объяснялось исследовательницей как результат проникновения в среду ямников-“автохтонов” колонистов из Прикубанья, Центрального Ставрополя, Подонья, Поволжья (инфильтрация с последующей частичной ассимиляцией). Эта эпоха завершилась “массовой миграцией” “катакомбного населения (вероятно, с территории Нижнего Дона)” (*Шишлина*, 1992. С. 21).

Надо признать, что наиболее яркими на фоне предшествующих культурных пластов являются обрядовые новации двух групп/культур – “северокавказской” и “восточноманычской”. С их появлением практически одновременно изменяются все три основные характеристики могильного комплекса – поза погребенных, пропорции могильных сооружений, набор

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 04-01-00204а. Часть положений данной работы опубликована в виде тезисов (*Андреева*, 2006).

категорий и типы сопровождающих вещей. Именно фиксации подобных системных перемен в погребальном обряде чаще всего соответствует “миграционная” модель интерпретации, что ощутимо в работах исследователей.

Следует, однако, отдавать себе отчет в том, что вышеупомянутые представления сложились на основе изучения преимущественно одного, хотя и главного, элемента структуры древних могильников. В центре внимания до сих пор находятся собственно погребения; исследование систем более высокого уровня – курганов и могильников – практически еще не начато. Тем не менее, именно в этой области можно сделать некоторые предварительные наблюдения, свидетельствующие о том, что в погребальном обряде “восточноманычцев” (проблема степных “северокавказцев” оставлена нами за рамками данной работы), наряду с новациями, имела место и культурная преемственность.

I. Особенности организации восточноманычских некрополей. Из-за того, что курганные могильники, как правило, включающие большое число насыпей, раскапываются не полностью, изучение закономерностей их формирования в эпоху бронзы наталкивается на существенные трудности. На основе имеющихся данных можно, однако, утверждать, что абсолютное большинство курганных могильников в Северо-Восточном Предкавказье² возникло в ямное время. Появление катакомбного обряда никоим образом не привело к оставлению старых кладбищ. В эпоху средней бронзы известны случаи формирования в могильниках собственных “монокультурных” участков, состоящих из нескольких расположенных рядом насыпей³, однако чаще всего восточноманычские курганы встраивались в уже существовавшие цепочки по одному-два.

В выборке восточноманычских древностей из 27 памятников Ставрополя и Калмыкии (590 погребений и кенотафов) лишь 28,6% учтенных курганов (всего 247) содержали основное восточноманычское погребение (ВМ) (соответственно, лишь 12,1% погребений были основными) (рис. 1).

Немногочисленные вновь возводимые насыпи не становились особыми “центрами притяжения” однокультурных впускных комплексов (рис. 2). Напротив, исходя из статистических данных, можно утверждать, что плотность впускных восточноманычских погребений и кенотафов была выше именно в “довосточноманычских” курганах (2,35 против 1,38 в курганах с восточноманычским основным погребением).

Отметим, что даже с учетом колебаний плотность эта все же очень низка (менее трех впускных погребений на курган) и никоим образом не об-

² В данной работе используется условное деление Предкавказья на Северо-Восточное (Ставропольская возвышенность к востоку от р. Калаус, долина р. Восточный Маныч выше оз. Маныч-Гудило, Калмыкия) и Северо-Западное (Прикубанье, восточное Приазовье, нижнее Подонье с левыми притоками), соответствующее делению территорий восточноманычской и западноманычской катакомбных культур.

³ На сегодняшний день уникальной может считаться ситуация в Ергенинском могильнике (раскопки В.П. Шилова в 1981–1985 гг.), где 11 из 13 раскопанных курганов, находившихся ближе к южному краю курганной цепочки (полосы), окаались восточноманычскими, 1 курган относился к позднесарматскому времени.

условлена “загруженностью” курганов более ранними захоронениями, поскольку основная масса восточноманычских комплексов впущена в курганы (или вплотную рядом с ними с последующей досыпкой насыпи), содержавшие в среднем также не более трех более ранних погребений.

Следует сказать, что в предыдущие эпохи впускные погребения практически всегда углублялись в материк, изредка – незначительно; появление же в могильниках серий погребений в насыпи (имеются в виду могилы, дно которых не достигало материка) на данной территории – новация именно восточноманычского периода (рис. 3).

Соответственно, средняя плотность восточноманычских погребений может быть разделена на: плотность погребений в материке – 1,96; плотность погребений в насыпи – 1,55. Не удивительно, что случаи непосредственного перекрывания могил (возможные варианты: обе в материке; одна в материке, другая в насыпи; никогда – обе в насыпи) редки и носят явно преднамеренный характер. Большинство подобных случаев связано с впуском восточноманычского погребения непосредственно над основным, о чем см. ниже.

Острый дефицит стратиграфических наблюдений не позволяет статистически достоверно учесть число случаев досыпок насыпей, относящихся к восточноманычскому времени. Можно предполагать, однако, что размах строительной деятельности был весьма значительным (исходя из большого общего числа впускных погребений, которые, как правило, располагались в полах). Очевидно, однозначно определить характер этой деятельности в рамках дилеммы “традиция-новация” невозмож-

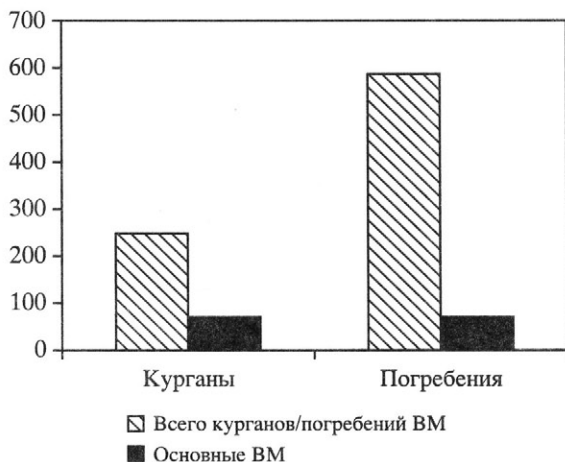

Рис. 1. Доля восточноманычских курганов и основных погребений в общей выборке

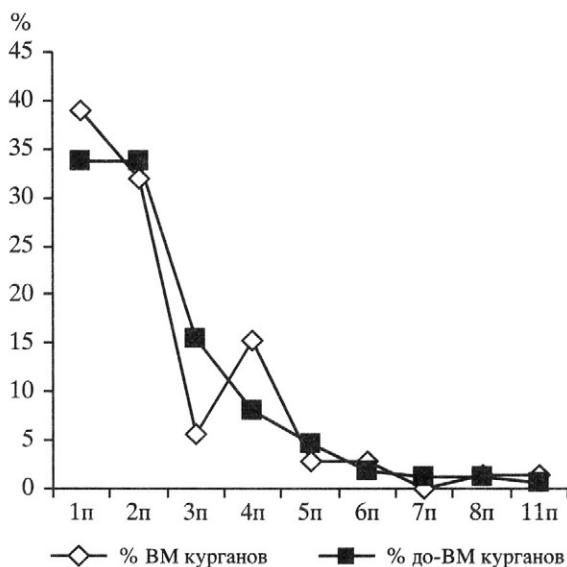

Рис. 2. Соотношение количества курганов, содержавших от 1 до 11 восточноманычских погребений

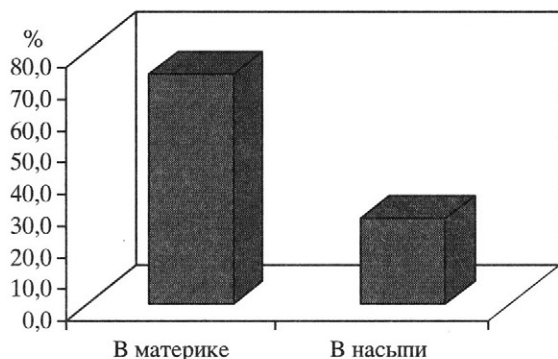

Рис. 3. Соотношение восточноманычских погребений в материке и в насыпи

но: тяготение к древним курганам-усыпальницам, ориентация на их заданную концентрическую структуру вызывали к жизни новые конструктивные формы.

Как яркий пример подчеркнутого сочетания новизны и приверженности традиции можно упомянуть ситуацию в кургане 1 у с. Спасское (Благодарненский р-н Ставропольского края). У подножия кургана, возведенного в ямное время, имевшего пояс-крепиду из желтого материкового суглинка и окруженного рвом, с южной стороны были впущены рядом друг с другом восточноманычское погребение в катакомбе и сопровождавшая его яма-“кенотаф”. Обе конструкции были приурочены к узкому проходу-перемычке во рве. После создания этих комплексов была произведена досыпка насыпи с юго-восточной стороны, поверх которой на этом участке был восстановлен пояс-крепида из материкового суглинка (Андреева, Новикова, 2001. Рис. 3, 4).

Таким образом, в целом способ организации восточноманычских могильников достаточно ясно свидетельствует о стремлении подчеркнуть связь с более ранними пластами захоронений в тех же курганах.

II. Особенности размещения детских погребений в курганах. Небольшое количество погребений индивидуумов дозрелого возраста⁴ и практически полное отсутствие среди этих захоронений основных, равно как и младенческих и детских совместных погребений, представляют собой новацию на фоне предыдущих культур (в частности, ямной и северокавказской), комплексы которых представлены в тех же курганах. Единственное основное детское восточноманычское захоронение (Чограй III, курган 2, погребение 3) сопровождали впускные однокультурные комплексы: погребение ребенка или подростка (погребение 2) и комплекс (погребение 4), содержащий “несколько фаланг детского скелета”. В том же кургане, в насыпи, обнаружено еще одно впускное погребение подростка (погребение 1), вытянутое дорзальное положение скелета которого, как и отсутствие сопровождающего инвентаря, не позволяют установить культурную принадлежность (Коренько, 1978). Таким образом, можно констатировать существование в

⁴ Поскольку лишь около пятой части индивидуальных погребений нашей выборки и четвертая часть совместных имели определения возраста захороненных людей, сделанные антропологом (определений пола антропологом насчитывается еще меньше), мы вынуждены опираться на суммированные определения археолога и антрополога, имеющие приблизительные границы: “младенец” – 0–2 года (11 индивидуальных погребений), “ребенок” – 3–7 лет (42 погребения); “подросток” – 8–15 лет (52 погребения), “взрослый” – старше 15 лет (335 погребений).

пределах кургана детско-подросткового монокультурного микромогильника – явление, заслуживающее внимания, хотя и редкое для восточноманычского погребального обряда. Основных погребений подростков в выборке имеется всего два (Элистинский, курган 14, погребение 2 и Веселая Роща II, курган 6, погребение 1), и они не сопровождались впускными однокультурными захоронениями (*Синицын, Эрднеев, 1971. С. 94; Романовская, 1979. С. 31–33*).

Впускным индивидуальным погребениям детей в курганах чаще всего сопутствовали однокультурные погребения взрослых – как мужчин, так и женщин, основные или впускные, индивидуальные и совместные. Крайне немногочисленные индивидуальные погребения младенцев, которых, по-видимому, в большинстве случаев не погребали на курганном кладбище, встречены в курганах только вместе с восточноманычскими же погребениями взрослых.

Впускные погребения подростков, напротив, могли быть вполне “самостоятельными”, появляться в курганах, где нет однокультурных погребений взрослых. В кургане 26 II могильника на левом берегу Восточного Маныча (раскопки 1965 г.) зафиксирован еще один случай детско-подросткового монокультурного микромогильника, на этот раз из одних впускных восточноманычских погребений: помимо трех детских погребений (3, 4, 5) здесь имелись еще погребение подростка (2) и двойное погребение подростков (6) той же культуры. Курган содержал также основное и впускное ямные погребения взрослых индивидов (8 и 7) (*Синицын, 1978. С. 86–88*).

Однако в ряде случаев (в 8 из 33 курганов) детские погребения не сопровождались однокультурными погребениями взрослых и подростков. В пяти из них (Восточный Маныч, левый берег I, курган 9; Восточный Маныч, левый берег II, курган 35; Веселая Роща III, курган 1; Чограй II, курган 7; Чограй VIII, курган 15) погребения взрослых и детей (или совместные взрослых с детьми) присутствовали в более раннем пласте – ямном или северокавказском, или раннекатакомбном. Поскольку погребения детей в доманычское время встречались в курганах гораздо чаще (до 70% довосточноманычских курганов нашей выборки), можно было бы считать это случайным совпадением. Любопытно, однако, что и в оставшихся трех случаях (Восточный Маныч, левый берег II, курган 6, Чограй III, курган 4, Чограй VIII, курган 3) в довосточноманычском пласте мы встречаем погребения подростков или подростков с детьми, в результате чего складывается картина существования детско-подростковых поликультурных могильников.

Эти немногочисленные и требующие дополнения и уточнения данные позволяют высказать предположение, что, во-первых, носителям восточноманычской погребальной традиции был известен (вероятно, фрагментарно и избирательно) возрастной состав погребенных в курганах в докатакомбное и раннекатакомбное время; во-вторых, эти знания учитывались при впуске новых погребений, и, таким образом, имелось в виду некое структурное единство старых и новых захоронений в кургане.

III. Случаи прямого перекрытия погребений. Как проявление “идеологии преемственности” можно интерпретировать и редкие случаи

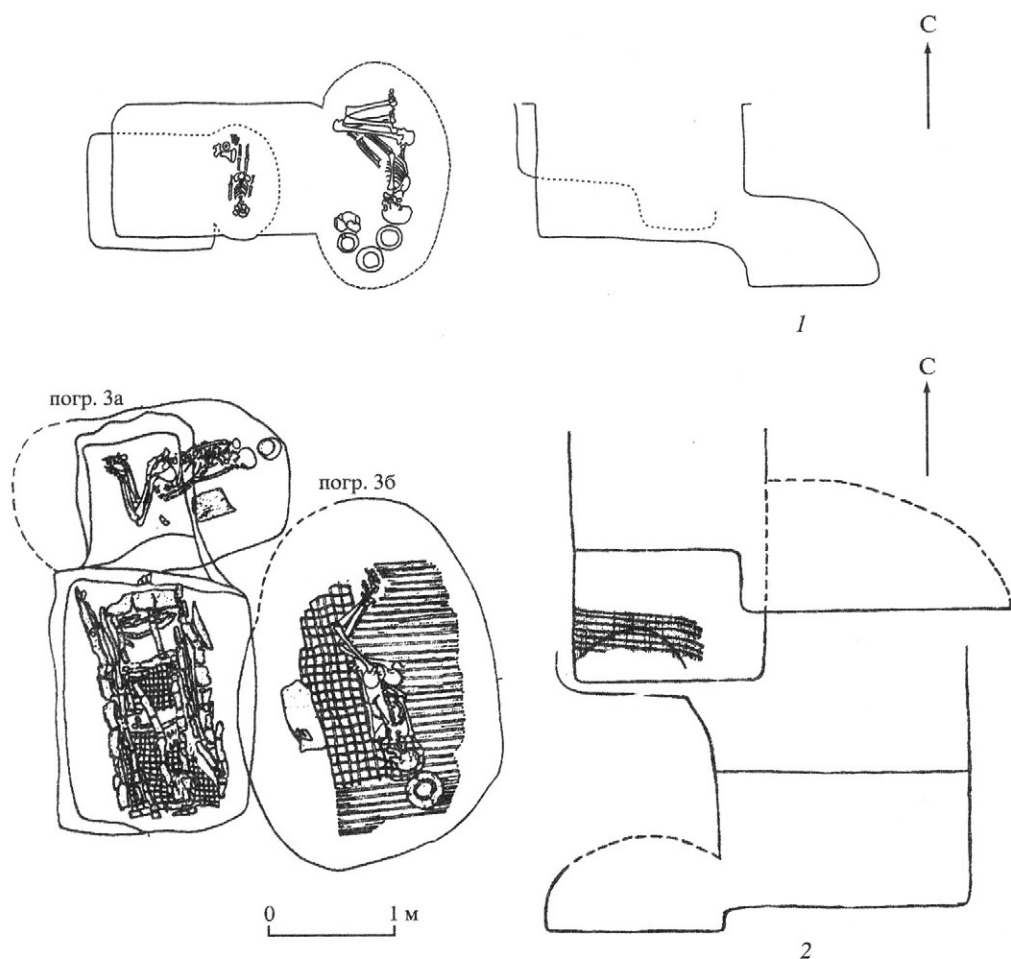

Рис. 4. Стратиграфические “связки” однокультурных (восточноманычских) комплексов
 1 – Элистинский, курган 27, погребения 1 и 2; 2 – Веселая Роша III, курган 23, погребение 3 (а и б)

(не более 10% курганов нашей выборки) прямого перекрытия одного комплекса другим. Чаще подобное перекрытие имело место в связи с явно преднамеренным размещением впускного восточноманычского погребения над основным, однако имеются и редкие случаи перекрытия в полах кургана, достаточно далеко как от центра, так и от других впускных погребений, что делает маловероятной случайность попадания комплексов в одну точку. По уровню залегания “связки” комплексов делятся на две группы: 1) оба погребения достигают материка (8 случаев); 2) одно погребение находится в материке, другое – в насыпи над ним (14 случаев). Третий вариант – оба погребения находятся в насыпи – не встречается. Погребения в “связке” могли быть как однокультурными (восточноманычскими) (рис. 4), так и разнокультурными (рис. 5). Перекрывающие и перекрываемые кон-

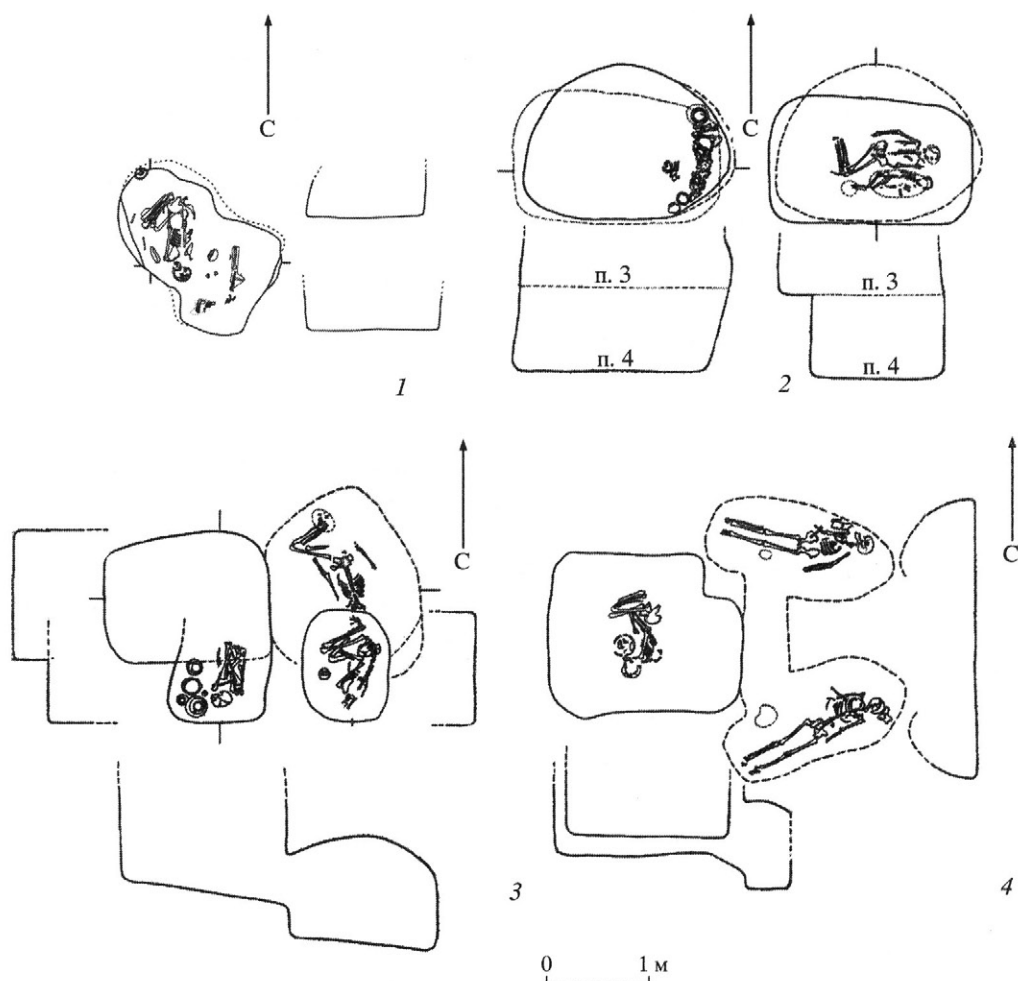

Рис. 5. Стратиграфические “связки” разнокультурных комплексов

1 – Чограй IX, курган 1, погребения 8 и 9; 2 – Чограй VIII, курган 5, погребения 3 и 4; 3 – Чограй VIII, курган 21, погребения 1, 4 и 2; 4 – Чограй VIII, курган 26, погребения 1 и 2

струкции представлены как ямами, так и катакомбами. Остановимся на случаях, когда перекрытие совершалось в материке, поскольку именно в них восточноманычские погребения стратиграфически связывались с более ранними.

Два случая “впуска” восточноманычских погребений в основные однокультурные явно демонстрируют отношения родства.

В кургане 27 Элистинского могильника контур стен входной шахты основного погребения 2 в верхней части нарушала катакомба погребения 1 (рис. 4, 1). Конструкции, по-видимому, параллельны друг другу, дно камеры погребения 1 находилось в заполнении шахты погребения 2. Основное погребение принадлежало женщине, впускное – ребенку 4–5 лет (Синицын,

Эрдниева, 1971. С. 92, 93). Поскольку детские погребения в восточноманычской традиции, как правило, не являлись основными, у нас нет оснований предполагать, что имелось в виду “замещение” или “присвоение” центральной позиции (впускных погребений в кургане не было)⁵. Скорее имелось в виду помещение ребенка в могилу сородича, создание совместного кумулятивного погребения-склепа. В восточноманычских совместных синхронных погребениях чаще всего встречалось именно это сочетание – взрослый и младенец/ребенок (Андреева, 2005).

В кургане 23 могильника Веселая Роща III катакомба основного погребения 3 имела весьма своеобразную конструкцию (рис. 4, 2). В северной стенке входной шахты, у дна, был сделан вход в камеру (3а), в которой был погребен мужчина. На 1,1 м выше дна входной шахты, в восточной стенке, был сделан вход в другую камеру (входная ступенька, таким образом, была выкопана в заполнении, представлявшем собой мешаную материковую супесь). В восточной камере (3б) также был похоронен мужчина. После совершения этого захоронения в шахту был поставлен кузов повозки. Верхняя часть шахты, выше повозки, имела “гумусированное заполнение с включениями торфа”. Погребенные имели сходный набор инвентаря: глиняный одноручный сосуд – кувшин, бронзовый нож, деревянный поднос. При погребенном в нижнем ярусе находился каменный полированный топор (Державин, 1989. С. 134, 135).

Не исключено, что данная “связка” представляет собой двухъярусное синхронное совместное захоронение. Более подобных случаев, однако, не встречено, а примеры “встройки” камер в уже имевшиеся ямы есть в “связках” разнокультурных погребений (см. ниже). На возможность повторного вскрытия могилы может указывать прямоугольная яма-уступ с северной стороны входной шахты: подобные элементы конструкции в восточноманычской погребальной практике не известны. Вне зависимости от характера комплекса (синхронный? асинхронный/кумулятивный?), вероятнее всего, размещение погребений по вертикали демонстрирует вертикальные же (генеалогические) родственные связи умерших (рассмотрение подобных случаев содержится в книге М.Д. Хлобыстиной (1995. С. 71).

Из шести случаев перекрытия восточноманычскими погребениями более ранних 5 относятся к основным погребениям. Стратиграфическая “связка” комплексов в поле, в 8,7 м к северо-западу от центра, отмечена один раз – в кургане 1 могильника Чограй IX. Камера восточноманычского погребения 9 была выведена под северо-западную стенку входной шахты, контуры которой, возможно, не были полностью прослежены или приблизительно совпадали с контурами существовавшей здесь могилы ямного погребения 8 (рис. 5, 1). Дно камеры и шахты находились на одном уровне. От ямного погребения подростка *in situ* (“в сочленении”) на дне шахты сохранились кости левой руки и, частично, стоп. Судя по их положению,

⁵ Термин “присвоение” был использован исследователями, столкнувшимися на западноманычском материале с явлением намеренного перекрытия основного погребения (Балабина, 1993).

погребенный подросток лежал головой на север. Около левого локтя находился набор тонких костяных булавок с прямым стержнем. В небольшой камере находился скелет взрослого человека, сопровождаемый типичным восточноманычским инвентарем – курильницей, пестом, сосудом, костями мелкого рогатого скота (*Андреева, Ульянова, 1986. С. 11–13*). Надо признать, что ситуация в целом плохо поддается интерпретации: получившаяся в итоге конструкция совершенно не стандартна, как не стандартно и расположение инвентаря погребения 9. В частности, необычно расположение сосуда, находившегося за спиной погребенного, на дне шахты, на месте отсутствовавших костей скелета погребения 8⁶. Тем более неясно, как соотносить с ситуацией возрастные характеристики погребенных. Бесспорно лишь, что погребение 8 наряду с основным погребением 11 – два древнейших погребения кургана, относящихся к докатакомбному времени. Появление новых комплексов (погребения 1, 4, 7 и 9) связано с восточноманычской культурой.

Остальные 5 учтенных случаев перекрытия основных погребений (Веселая Роща I, курган 14, погребения 1 и 2; Веселая Роща III, курган 6, погребения 7 и 1; Чограй VIII, курган 5, погребения 3 и 4, курган 21, погребения 1, 4 и 2, курган 26, погребения 1 и 2) представляют собой “наложение” конструкций, без разрушения останков в основной могиле (рис. 5, 2–4). Перекрываемые погребения относились к позднеямной, северокавказской и раннекатакомбной обрядовым группам. Почти все комплексы содержали останки взрослых людей. Исключение составляет курган 5 могильника Чограй VIII. Основное позднеямное погребение (4) этого кургана было совместным и содержало останки женщины и ребенка. Выше располагалось “квазиосновное” восточноманычское погребение подростка (3). В поле, к северо-востоку от основного погребения, находилось еще одно погребение подростка (1) (*Андреева, 1989. Рис. 7, 8*). Возможно, детско-подростковый состав погребений этого кургана не случаен.

Итак, приведенные наблюдения позволяют предполагать существование традиции “наследования” могильного сооружения, которое вместе с более поздней достройкой может рассматриваться как своего рода ярусное погребение-“склеп”. Применительно к разнокультурным погребениям, очевидно, можно говорить лишь о существовании “идеологической парадигмы наследования”. Подкреплялась ли она реальным (хотя и далеким) генетическим родством – неясно.

IV. Особенности размещения жертвенных комплексов в курганах.

На то, что весь курган в целом воспринимался “восточноманычцами” как единое погребальное сооружение, отчасти изоморфное могильному (а не как, скажем, кладбище с обособленными участками), может указывать размещение особых комплексов – так называемых жертвенников из черепов и конечностей (обычно присутствуют метаподии и/или фаланги) крупного

⁶Пример аккуратной “встройки” камеры повосточноманычского (лолинского) погребения в стенку ямы основного ямного погребения демонстрирует курган 32 могильника Чограй VIII (*Андреева, 1989. Рис. 41*).

рогатого скота⁷. Подобные весьма немногочисленные комплексы обычно интерпретируются как захоронения шкур, символизирующих целую тушу животного, несмотря на то, что число конечностей не всегда соответствует числу черепов, особенно в больших наборах. В отдельных случаях авторы раскопок определяют животное как лошадь, обычно без ссылки на заключение палеозоолога⁸. В памятниках нашей выборки насчитывается 21 подобный жертвенный комплекс. Чаще всего в состав жертвенника входят кости одной или двух особей, максимальное число – 10 – отмечено в Ергенинском могильнике. Обычно черепа укладывались на кости ног, если особей несколько – в ряд, в единичных случаях – друг за другом. Учитывая специфический состав составлявших жертвенники костей и весьма вероятную для маньчских культур символическую соотнесенность могилы (как катакомбы, так и ямы) с повозкой-кровом, описанные комплексы можно интерпретировать как символическое же приношение упряжных животных (Андреева, 1996; Гей, 1999).

Жертвенники могут находиться как в явной страти/планиграфической связке с определенными восточноманьчскими погребениями (на краю ямы, на выкиде, на одном из слоев одновременной погребению насыпи), так и размещаться самостоятельно в центральной части кургана или поле, практически всегда в насыпи. При отсутствии стратиграфических наблюдений культурная атрибуция жертвенника может быть установлена по наличию единственного сопровождающего предмета (характерного также для инвентаря восточноманьчских погребений) – курильницы в виде чаши на крестовидном поддоне (как целой формы, так и часто – ее

⁷ Аналогичные жертвенники могут изредка встречаться и в погребениях; нас, однако, интересуют именно обособленные жертвенные комплексы. Упомянем, что жертвенники из костей мелкого рогатого скота в Северо-Западном Предкавказье встречаются уже в погребениях степной новосвободненской группы, число их возрастает в конце эпохи ранней бронзы в новотиторовской культуре и достигает максимума (около 30% погребений) в сменившей ее приазовской/преддонецкой катакомбной культуре. Жертвенники из костей мелкого рогатого скота встречаются здесь и в курганных насыпях. Что касается жертвенников из костей крупного рогатого скота, то таковые также имеются в памятниках новотиторовской и катакомбных культур данного региона, однако в существенно меньшем количестве (Гей, 1999. С. 103, 104; 2000. С. 127, 128). В наших памятниках жертвенники из костей мелкого рогатого скота вне погребений четко не зафиксированы, в погребениях их немного – около 6–7% комплексов (подсчеты затруднены, так как кроме сочетания “череп/нижняя челюсть и ноги/нога” встречаются и другие варианты, которые могут быть интерпретированы как остатки напутственной пищи: “передняя нога/ноги и лопатка/лопатки”, “ноги и таз”, “ребра”, “нога/ноги”; часто просто упоминаются “кости овцы”; в целом погребения и кенотафы с костями мелкого рогатого скота составляют 10% нашей выборки). Восточноманьчских погребений с костями крупного рогатого скота еще меньше – всего 1,5%, но это исключительно жертвенники.

⁸ Определения палеозоолога отсутствуют, впрочем, как и во всех остальных случаях. Не исключая возможности реального присутствия костей лошади, можно все же осторожно предположить, что часть костей могла принадлежать комолым быкам/коровам, как это имело место в памятниках Северо-Западного Предкавказья. Наблюдения над набором костей и разнообразием видового состава в аналогичном западноманьчском жертвенном комплексе из I Балабинского могильника на левобережье р. Сал содержатся в работе И.С. Каменецкого (2002).

части). Курильницы обнаружены приблизительно в половине учтенных жертвенников.

Безусловно, рассматриваемые комплексы следует относить к числу престижных: все курганы с жертвенниками содержат восточноманычские погребения в материке, которые отличает позиция (основное или “квазиосновное” – в половине учтенных курганов с жертвенниками) и/или “богатый” инвентарь.

Демонстрацию преемственности можно увидеть в способе размещения восточноманычских жертвенников над или рядом с основным погребением, а также на поле окружавшей его насыпи, что особенно важно – вне зависимости от культурной принадлежности (восточноманычское или более раннее) этого погребения.

Так, в двух курганах Лолинского II могильника имелись жертвенники. В кургане 16, рядом с основным погребением 5, совершенном по обряду ямной культуры, к западу от него, на древнем горизонте находился жертвенник: “...передние и задние ноги коровы, отчлененные по пястный сустав. Сверху на ногах помещался череп коровы. Около костей находился обломок глиняной курильницы обычного катакомбного типа” (Синицын, Эрднеев, 1966. С. 128). Из восточноманычских древностей в кургане имелось одно погребение в насыпи и один кенотаф в материке. В кургане 13 жертвенник находился у южного края входной шахты основного восточноманычского погребения 4, “в насыпи кургана, выше древнего горизонта на 0,40 м. Жертвенник составляли два бычьих черепа и кости ног (передние и задние), отчлененные по первый сустав... Около черепов находился большой обломок курильницы на крестовидной ножке”. Курильница имела внутреннее отделение и была орнаментирована оттисками веревочки и мелкого треугольного штампа (Синицын, Эрднеев, 1966. С. 123). Кроме основного, в кургане имелись еще два восточноманычских погребения в материке – оба в катакомбах.

Так как жертвенные комплексы сравнительно редко встречаются вдали от углубленных в материк погребений, для следующего примера приходится привлекать материалы курганов разных могильников. В кургане 6 Ергенинского могильника, в насыпи, на разной глубине, к юго-западу от современной вершины, открыты три жертвенника, содержавшие кости не менее 3, 10 и 1 особи крупного рогатого скота. В двух из них обнаружены остатки курильниц плохой сохранности. Курган содержал три восточноманычских погребения в материке (погребения 2, 3 и 5), впущенных последовательно с уровня древнего горизонта. По наблюдениям автора раскопок, первый жертвенник (“тризна № 1”) находился на поле насыпи над основным погребением 2, к северо-западу от него; второй (“тризна № 2”) – на/в поле насыпи над погребением 3, к югу от него; расстояние от центра могильных ям до жертвенников – 6–7 м (Шилов, 1982. С. 7, 8). В кургане 18 могильника Чограй VIII жертвенник находился на поле насыпи над основным раннеили северокавказско-катакомбным погребением 6, на расстоянии 6 м к северо-западу от него, и состоял из черепа и костей лошади (?) и курильницы. К востоку и юго-востоку от основного погребения находились впускные материковые восточноманычские погребения 4 и 5 (Андреева, 1989. Рис. 26).

Описанные ситуации свидетельствуют, в частности, о том, что “адресатами” жертвоприношений скота были умершие, захороненные в основных погребениях, причем ритуал мог совершаться не только в процессе похорон и возведения первоначальной насыпи, но и позже – иногда существенно. Возможно, побудительной причиной создания жертвенника могла быть потребность совершения впускного в материк восточноманычского погребения, сопровождавшегося досыпкой (и, следовательно, перекрытием старой) насыпи.

В связи с жертвенниками необходимо коснуться еще одного аспекта интересующей нас проблемы традиции. Речь пойдет не о планиграфических решениях, а о самом содержании комплексов. Несмотря на то что подавляющее число известных в курганах Северо-Восточного Предкавказья жертвенников относится именно к восточноманычскому времени, есть свидетельства, что данный вид комплексов появился в насыпях курганов на данной территории намного раньше – в докатакомбное время. Например, в насыпи кургана 10 могильника III на левом берегу Восточного Маныча, раскопанного в 1966 г., в 4 м к востоку от центра, отмеченного основным погребением, имелся жертвенник, содержащий, помимо черепа и четырех ног с копытами особи крупного рогатого скота, лепной сосуд и “каменный предмет продолговато-овальной формы с двумя желобками в верхней части” (Синицын, Эрдниева, 1987. С. 38, рис. 18). Форма и декор двуручного сосуда не характерны для восточноманычской традиции, но обнаруживают сходство с сосудами эпохи ранней бронзы – ранними новотиторовскими (так называемыми “двуручными кубками”; Гей, 2000. С. 140, 141) в Восточном Приазовье, и напоминают (особенно способом крепления ручек к венчику) куро-араксские, в частности, из могильников Центрального Кавказа (Ростунов, 1988). Так как в кургане кроме пяти восточноманычских погребений имелись пять, по определению авторов раскопок, ямных (включая основное), логично связать жертвенник с более ранним пластом⁹.

Таким образом, сооружение жертвенников в насыпи кургана нельзя рассматривать как обрядовую особенность, неизвестную в Северо-Восточном Предкавказье до появления восточноманычских захоронений. “Адресатами” аналогичных жертвоприношений в восточноманычское время могли быть умершие, погребенные в кургане существенно раньше.

V. Особенности ориентировок и позы погребенных. Продолжая поиски традиционных для рассматриваемой территории элементов в обновленной в целом обрядовой системе восточноманычской культуры, нельзя не упомя-

⁹Приводимый в издании рисунок-чертеж основного погребения позволяет установить, что погребенный лежал на спине с разворотом на левый бок, головой на восток, с левой рукой, вытянутой к согнутым коленям, правой – согнутой, кисть ее находилась на тазовых костях. Данная поза не может считаться классической ямной; она представляет собой симметричную реплику новотиторовского способа укладки погребенных – головой на запад, с разворотом на правый бок и соответственным расположением рук. Об актуальности выделения в памятниках Северо-Восточного Предкавказья подобных погребений из серии ямных и специального рассмотрения их на широком культурном фоне уже приходилось писать (Андреева, Новикова, 2001. С. 48).

нуть одно уже сделанное в научной литературе наблюдение. Появление новых обрядовых норм (положение умерших скорченно на левом боку, головой на юг или восток), которые представляли собой “симметричную реплику” норм западноманьчской культуры, распространенной в то же время в Северо-Западном Предкавказье (положение умерших скорченно на правом боку, головой на север или запад), было подготовлено аналогичными обрядовыми различиями в раннебронзовом пласте тех же памятников (*Кияшко*, 2002. С. 74–80). Эти различия прослеживаются при сравнении новотиторовских захоронений Северо-Западного Предкавказья с традицией преимущественно западной ориентации погребенных с позднеямными и северокавказскими в Северо-Восточном, где погребенные лежат головой на восток. Как уже отмечалось выше (см. примеч. 9), для части “позднеямных” погребений Центрального Ставрополя и Восточного Маныча (*Андреева*, 1989. С. 71, 72) фиксируется и поза скелета, симметричная по отношению к новотиторовской, – на левом боку с завалом на спину. Можно заключить, что “маньчцы” использовали и закрепили в своем обряде важнейшие элементы уже существовавшего культурного пространственного кода.

Выводы. Приведенные данные, относящиеся как к размещению восточноманьчских комплексов, так и к их внутренней структуре, свидетельствуют о некоем культурном (в археологическом контексте – метакультурном) континууме, охватывавшем ранне- и среднебронзовый курганные пласты. Это противоречит картине ярких перемен в погребальном обряде, связанном с появлением восточноманьчской культуры. Незначительность числа (не более 4% общей выборки) известных комплексов, сочетающих черты раннекатакомбного (ямно- и северокавказско-катакомбного) и развитого (восточноманьчского) катакомбного времени, делает вероятным предположение, что трансформация обряда совершилась достаточно быстро, например, при жизни одного поколения. Иными становятся формы и пропорции могильных сооружений, способ размещения останков в камере, меняются формы и орнаментация посуды и курильниц, трансформируется вещевой комплекс (от преимущественно “орнаментального”, включавшего большие наборы бронзовых и костяных украшений, к преимущественно “орудийному”, в состав которого входили бронзовые и каменные орудия и деревянные повозки). При этом глобальной смены обрядовых стереотипов все же не происходит: сохраняется бинарность могильных сооружений (ямы и катакомбы); сохраняются, видоизменяясь, специфические категории инвентаря – глиняные курильницы и бронзовые ножи; перестают встречаться глиняные модели повозок, но в могилы помещаются реальные повозки или их детали.

В настоящее время кажется наиболее вероятным привнесение обрядовых новаций из западных районов Нижнего Подонья и Прикубанья, где на основе предшествующих традиций (новотиторовской культуры, приазовской и преддонецкой раннекатакомбных культур) сформировался облик западноманьчской культуры¹⁰. Однако, как мы стремились показать, до-

¹⁰ Данные по относительной хронологии западно- и восточноманьчских памятников в настоящее время отсутствуют.

стигнутый уровень знаний исключает возможность обсуждения причин и способа сложения восточноманьчской культуры в рамках традиционного “жесткого” противопоставления “миграционистской” и “автохтонистской” гипотез.

Представляется, что важным (хотя и не единственным) аспектом произошедших социально-демографических (для археолога – культурных) изменений в Северо-Восточном Предкавказье могла быть, в частности, перестройка организации и направления брачных связей, поскольку именно последние могли обеспечить единство новых культурных стандартов на обширной территории маньчских культур без существенных перемещений существовавших семейно-родовых коллективов. Стандартизация таких обрядовых норм, как поза и ориентировка погребенных, в свою очередь, могла явиться результатом осознанного конструирования знаковой системы, отражающей с помощью бинарных оппозиций оформившуюся дуальную организацию маньчских племен. На перспективу реконструкции подобной организации уже указал А.В. Кияшко (2002), с отсылкой к известному исследованию А.М. Золотарева (1964). Разнообразие различных по своим истокам обрядовых традиций (ямной, северокавказской, раннекатакомбной), характеризующее курганные могильники Северо-Восточного Предкавказья в предвосточноманьчское время, свидетельствует, в частности, о нарастающей “идеологической дезинтеграции” внутри родовых образований. Потребность в консолидации могла сделать эти образования открытыми реформированию погребальной практики.

В конечном итоге, решение вопроса о том, как соотносятся рассмотренные выше черты культурной преемственности восточноманьчских погребальных комплексов от более ранних с реальной генетической преемственностью создателей этих памятников, следует искать на пути междисциплинарных исследований. Более или менее очевидно, что констатировать факт появления представителей новых для той или иной территории групп населения можно только после тщательного и, по возможности, всестороннего исследования антропологических материалов различными методами естественных наук. Материалы эти должны быть предварительно отобраны и структурированы специалистом-археологом. Понять же характер такого проникновения можно лишь в результате совместной работы археологов, этнологов, антропологов и генетиков над построением и проверкой интерпретационных моделей.

ЛИТЕРАТУРА

Андреева М.В., 1989. Курганы у Чограйского водохранилища // Древности Ставрополя. М.

Андреева М.В., 1996. К вопросу о роли повозки в погребальном обряде восточноманьчской катакомбной культуры // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа: (XIX Крупновские чтения): Тез. докл. М.

Андреева М.В., 2005. Синхронные совместные погребения восточноманьчской катакомбной культуры как источник палеосоциальных реконструкций // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М. Вып. 4.

Андреева М.В., 2006. Традиции и новации в погребальном обряде катакомбных племен Северо-Восточного Предкавказья: фиксация, изучение, интерпретация // XXIV Крупновские чтения: Тез. докл. Нальчик.

Андреева М.В., Новикова Л.А., 2001. Курганы у села Спасского Ставропольского края // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь. Вып. 2.

Андреева М.В., Ульянова О.А., 1986. Отчет о работе Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции // Архив ИА. Р-1. № 11910.

Балабина В.И., 1993. Курганный могильник Сагван II // Вестник шелкового пути: Археологические источники. М. Вып. 1.

Гей А.Н., 1999. О некоторых символических моментах погребальной обрядности степных скотоводов Предкавказья в эпоху бронзы // Погребальный обряд: Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М.

Гей А.Н., 2000. Новотиторовская культура. М.

Державин В.Л., 1989. Погребения эпохи бронзы у хут. Веселая Роца: (по материалам Ставропольской экспедиции 1980 г.) // Древности Ставрополя. М.

Золотарев А.М., 1964. Родовой строй и первобытная мифология. М.

Каменецкий И.С., 2002. Большая катакомба Балабинского I могильника // Проблемы археологии Евразии. М.

Кияшко А.В., 2002. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград.

Кореняко В.А., 1978. Отчет о работе Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции в 1978 г. // Архив ИА. Р-1. № 7468.

Мимоход Р.А., 2003. Погребения финала средней бронзы Северо-Западного Прикаспия // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее: Тез. докл. М.

Мимоход Р.А., 2005. Блок посткатакомбных культурных образований: (постановка проблемы) // Проблеми дослідження пам'яток археології східної України: Матеріали конференції. Луганськ.

Отрощенко В.В., 2000. О культурах срубной общности // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи: Материалы междунар. науч. конф. Воронеж.

Отрощенко В.В., 2002. История племен зрубної спільності: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Київ.

Романовская М.А., 1979. Отчет о раскопках курганной группы Веселая Роца II и Веселая Роца III, произведенных Александровским отрядом Ставропольской экспедиции в 1979 г. // Архив ИА. Р-1. № 8489.

Ростунов В.Л., 1988. Куро-аракские могильники Северной Осетии // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе.

Сафронов В.А., 1974. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников: Сообщения науч.-метод. совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. Т. VII.

Синицын И.В., 1978. Древние памятники Восточного Маньча. Саратов.

Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1966. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962–1963 гг.) // Тр. Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Элиста. Вып. 2.

Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1971. Элистинский могильник. Элиста.

Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1987. Древности Восточного Маньча. Элиста.

Хлобыстина М.Д., 1995. Погребальные ритуалы первобытных эпох. СПб.

Шилов В.П., 1982. Отчет об исследованиях Волго-Донской археологической экспедиции в 1982 году // Архив ИА. Р-1. № 9516.

Шилов В.П., б/г. Древние скотоводы калмыцких степей: Рукопись, хранящаяся в Отделе бронзового века ИА РАН.

Шихлина Н.И., 1992. Ранний этап средней бронзы Калмыкии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.